

Прямая дорога тянулась сквозь изумрудно-зеленые луга, уводя прочь от Красных Полей к соседнему городку Цицуй. Именно там, на главной площадке Всемирной биеннале мастеров креатива, и лежала конечная цель Цзюньвэнь Исюаня и его спутников.

Цзюньвэнь Исюань по-прежнему сидел за рулем. Он слегка рассеянно вел модифицированный джип, то и дело косясь на свою спутницу. Рядом притихла Хо Бижо. На нее это было совсем не похоже — женщина редко бывала столь тихой и подавленной.

Все тревоги капитана Хо были написаны у нее на лице. Исюань долго молча наблюдал за ней, но в конце концов не выдержал:

— Смерть Лань Хуае сильно тебя подкосила, да?

Хо Бижо словно очнулась от глубоких раздумий и тихо ответила:

— Как ни крути, в этом есть и моя вина.

Она не терзалась раскаянием и не искала самооправданий, но тяжесть на душе не проходила. Перед глазами упрямо стояла одна и та же картина: последние секунды перед катастрофой и спокойное, бесстрашное лицо Лань Хуае, прощающегося с ней навеки.

То было прощание навсегда.

Странно, как легко бывшая неприязнь улетучивается вместе со смертью человека. Наверное, когда кто-то отдает жизнь ради чужого спасения, в этот последний, отчаянный миг его просто невозможно ненавидеть.

— Кто бы мог подумать, что этот мальчишка...

— ...был так от тебя без ума, — прямо закончил мысль Исюань.

Хо Бижо горько усмехнулась:

— Совсем еще ребенок, пускай и в мундире. А в этом возрасте чувства всегда берут верх над разумом.

На душе у нее скребли кошки. Знай она заранее, чем все закончится, ни за что не отвергла бы его последнюю просьбу. Какая же это жестокость — позволить человеку уйти во тьму с неисполненным желанием, зная, что именно твой отказ стал для него последней точкой.

Но судьба распорядилась иначе, и именно ей досталась эта безжалостная роль.

«Глупый... какой же глупый мальчишка!»

Понимая, что пора вытаскивать напарницу из омуты мрачных мыслей, Исюань поспешил переменить тему:

— А сама ты в юности совершала подобные глупости? В других отделах до сих пор ходят легенды о твоём бурном прошлом.

Хо Бижо небрежным жестом откинула назад прядь роскошных розовых волос. Ветер подхватил ее локоны, а она привычно и кокетливо улыбнулась:

— Еще бы! У такой потрясающей женщины, как я, отбоя от кавалеров не было.

— Ого! И сколько их было? Десять? Двадцать? — шутливо поддел ее Исюань.

В этот момент в облике решительной и соблазнительной воительницы промелькнуло что-то трогательное, девичье. Она словно вернулась в те годы, когда любовь казалась ей хрупкой и прекрасной сказкой:

— Если по-настоящему... только двое.

— Да ладно? Что-то слабо верится, — приподнял брови Исюань.

— Зачем мне врать? — рассмеялась она. — Мы ведь тогда были совсем зелеными, головы забиты великими мечтами, мир казался раскрашенным во все цвета радуги. Думали, любим друг друга до гробовой доски, даже сбежать вместе планировали.

— И кто же был этот счастливчик? — полюбопытствовал Исюань.

Хо Бижо тепло улыбнулась. Пусть в тех воспоминаниях и таилась легкая горчинка, их послевкусие до сих пор оставалось сладким:

— Первая любовь. Правда, потом я... скажем так, нечаянно увлеклась другим. Хе-хе...

— Нечаянно? — прищурился Исюань, решив подколоть командира. — А не ветреность ли это обыкновенная?

— Ах, если бы! Просто тот мерзавец был чертовски харизматичен. Идеальный образ из девичьих грез, — сокрушенно вздохнула она. — Только вот когда мы сошлись поближе, я быстро поняла: некоторыми вещами лучше любоваться издалека. Все эти сказки про прекрасных принцев — сплошное надувательство.

Исюань хмыкнул:

— Какая же ты приземленная.

— Да, я такая! — беззаботно рассмеялась женщина. — Обычная, поверхностная и жутко меркантильная особа.

Она отвернулась к окну, подставив лицо свежему ветру, пахнущему степным разнотравьем и сладкой солодкой, и с наслаждением зажмурилась.

— А дальше? — поинтересовался Исюань. — После того как рассталась со вторым, больше никого не было?

— Не-а. Слишком уж болезненным вышел разрыв, хоть инициатором и была я, — Хо Бижо задумчиво накрутила локон на палец. Она грустно усмехнулась. — Но тот тип перешел все границы.

— И что он сделал? Завел интрижку на стороне?

Хо Бижо вдруг резко развернулась к нему и обиженно надула губы. В этот миг грозная капитан стала похожа на капризного ребенка.

Она сердито уперла руки в бока и выпалила:

— Представляешь, этот гад увлекся другим мужиком!

— Чего?! — Исюань от неожиданности дернул руль, и джип вильнул на пустой дороге. Он ошарашенно уставился на командира. — Он что, из... этих?

Вовремя вспомнив о деликатности темы, Исюань предпочел не договаривать.

Хо Бижо вызывающе скрестила руки на груди:

— Да нет, с ориентацией у него все было в порядке. Просто так совпало, что его идеалом оказался мужчина. Впрочем... тебе ли его судить? — Она многозначительно прищурилась, искоса взглянув на парня.

Столь резкий перевод стрелок застал Исюаня врасплох. Он густо покраснел и неловко закашлялся, пытаясь скрыть смущение:

— Кхм! Ну... все совсем не так! Я к Цицзе... у меня к нему...

— Ты просто хочешь быть рядом и оберегать его, верно? — тихо вздохнула Хо Бижо, вновь устремив задумчивый взгляд на пробегающий мимо пейзаж. — И тебе неважно, узнает он когда-нибудь о твоих чувствах или нет. Вы все одинаковые... Тот упрямец ведь тоже безумно изменился.

Исюань крепче вцепился в руль, пальцы его едва заметно дрожали. В его взгляде промелькнула щемящая нежность:

— Раз уж я знаю, через что ему пришлось пройти, я просто не могу оставаться в стороне. Цицзе... он совершенно не умеет себя беречь.

— Это неудивительно, — эхом отозвалась Бижо. — Ты ведь сам прекрасно все понял, когда вытащил его из того проклятого подвала. Цицзе — единственный, кому удалось выжить в застенках твоего дядюшки. После такого кошмара никто не останется прежним. Те двое нанесли ему слишком глубокие, незаживающие раны.

Сырой, леденящий полумрак подвала. Распластанное в луже крови тело мужчины. И забившийся в угол обнаженный подросток, чей дикий, затравленный взгляд навек врезался Исюаню в память. Такое не забывается до гробовой доски.

Цзюньвэнь Леон... О том, что этот безумец приходится ему родным дядей, Исюань узнал лишь в день его смерти. Сам он носил фамилию матери. Та была военврачом в наемном отряде, годами кочевала с солдатами по горячим точкам, пока не влюбилась в боевого офицера. Оба они были военными и погибли как герои — таков был последний устный завет, оставленный ему покойным дядей.

Цзюньвэнь Леон занимал какой-то секретный и крайне важный пост в министерстве обороны. Армейское руководство тщательно скрывало его личность и темное прошлое. Если бы не жуткая правда о его садистских наклонностях, вырвавшаяся наружу, никто бы никогда и не узнал о существовании этого чудовища.

— Но грехи твоего дяди — это не твой долг, Исюань. Ты не обязан его оплачивать, — мягко произнесла Хо Бижо, подперев ладонью щеку.

Исюань тихо вздохнул, и он посмотрел на нее с теплотой:

— Я никогда не думал об этом как о возврате долга.

Порой поступки людей бывают до смешного просты. Человек может и сам не понимать, что им движет, но продолжает с упрямством следовать выбранному пути.

— Хм, — усмехнулась капитан, но она смотрела на него с искренним теплом. Посмотрев на своего лучшего подчиненного, она добавила: — Кстати, я ведь так и не поздравила тебя с

возвращением в строй. Хотя в тылу, среди сытых интендантов, жизнь наверняка была куда спокойнее и сытнее?

— Как бы не так! — парень так и вскипел, вспомнив свою службу в снабжении. — Да там засел один редкостный зануда! Яд из него так и брызжет, а уж умение портить жизнь подчиненным у него просто виртуозное. То, что я выбрался оттуда живым и в здравом уме — настоящее чудо, это праздновать надо!

— Да ну? — Хо Бижо удивленно моргнула, на секунду задумалась, а затем звонко расхохоталась: — А-ха-ха! Кажется, я понимаю, о ком ты. Майор Инь? Слышала, он меняет адъютантов как перчатки. Только такой святой человек, как ты, мог вытерпеть его характер. В тыловой службе о его неносном нраве слагают легенды.

— Вот именно, я уже был на грани! — всю сокрушался Исюань. — Похоже, Лань Хуае специально упек меня туда, чтобы сжить со свету... Ох.

При упоминании этого имени салон джипа вновь накрыло тяжелое, гнетущее молчание. Капитан Хо поправила выбившуюся челку и тихо произнесла, глядя на убегающую вдаль дорогу:

— Что случилось, то случилось. От правды не сбежишь. Лань Хуае ушел красиво, а вот полковнику Рейасу теперь расхлебывать. У него голова раскалывается от мысли, как преподнести все это семейству Лань.

Глава клана Лань, Лань Можань, пускай и отошел от дел, будучи на пенсии, отличался на редкость тяжелым и упрямым характером. Он ни за что не оставит без внимания гибель своего любимого внука. Почти все мужчины в их роду занимали высокие армейские посты, и эта влиятельная сеть опутала едва ли не все штабы и ведомства. Если они начнут копать, командованию придется попотеть, чтобы выдать им благовидную версию случившегося.

Теперь все зависело от того, вмешается ли главнокомандующий Гайя Лейн, чтобы замять скандал.

Исюань нахмурился и тяжело вздохнул:

— Уже представляю, в какую ярость придет полковник Лань Мишэн.

Лань Мишэн возглавлял Второй отряд особого назначения. С полковником Рейасом они ладили лишь для видимости, на деле же люто ненавидели друг друга.

— Он наверняка во всем обвинит Рейаса. Скажет, что трагедия произошла из-за его провального командования.

Хо Бижо равнодушно пожала плечами:

— Полковник Рейас велел держаться от этого семейства подальше и по возможности во всем им потакать. Особенно когда речь заходит о Лань Юйтане. С этим типом даже главнокомандующий Лейн предпочитает не связываться.

Одно лишь упоминание этого человека заставляло военных замирать и втягивать голову в плечи. Имя Лань Юйтана наводило леденящий ужас на каждого, кто хоть краем уха слышал о его делах.

— Главнокомандующий... Западной объединенной армией, — медленно, разделяя каждое слово, произнес серебряноволосый офицер. По его спине пробежал неприятный холодок.

— Занять этот пост в двадцать два года — беспрецедентный случай за всю историю вооруженных сил, — негромкий, задумчивый голос Хо Бижо уносился ветром в открытое окно. То, о чем она говорила, казалось невероятной сказкой, но оставалось непреложным фактом. — Лань Хуае не врал: этот человек действительно рожден под счастливой звездой.

Полковник Рейас лично вышел встречать гостей. Широкими, стремительными шагами он спустился по трапу десантного корабля и направился напрямик к Ситу Куну.

— Владыка Города Сияющей Ночи ждет вас, — с ходу, без лишних предисловий доложил он.

Ситу Кун мгновенно подобрался и выпрямился. Каждое его сухожилие натянулось как струна — было очевидно, что перед этим визитом он не смеет расслабляться ни на секунду.

Ветер трепал его взъерошенные волосы. Несмотря на сквозившую в каждом движении смертельную усталость, Ситу Кун заставил себя взять волю в кулак. Он невольно коснулся культи на месте потерянной руки:

— Отец здесь?

— На борту, — полковник Рейас вежливо склонил голову. Сделав шаг вперед, он понизил голос до едва различимого шепота: — Он не в духе. Будь осторожен.

Ситу Кун сглотнул подступивший к горлу ком:

— Веди.

Они поднялись на борт. Пока они шли по бесконечным серым коридорам крейсера, Ситу Кун не проронил ни слова. Лицо его окаменело. Нельзя сказать, что он панически боялся грядущей встречи, но вел себя на редкость скованно и собранно.

Остановившись у тяжелой бронированной двери каюты, Рейас вопросительно взглянул на юношу, безмолвно спрашивая, готов ли тот. Ситу Кун глубоко, шумно вздохнул и решительно кивнул.

Рейас нажал кнопку селектора:

— Владыка, молодой господин Ситу прибыл.

Из-за двери не донеслось ни звука, отчего Ситу Кун внутренне напрягся еще сильнее. Полковник Рейас шагнул в сторону и приложил руку к козырьку:

— Прошу вас, проходите. Владыка ждет внутри.

Восстановив дыхание, Ситу Кун дождался, пока створки разъедутся в стороны. Первое, что он увидел — силуэт отца. Владыка Города Сияющей Ночи сидел в простом кресле под тусклым светом настольной лампы и, казалось, был полностью поглощен чтением книги. Но даже в этой тесной каюте его тяжелая, властная аура ощущалась почти физически, заставляя затаить дыхание.

Ситу Кун переступил порог. За его спиной с мягким шипением сомкнулась стальная переборка. Он замер у двери.

— Отец.

Ситу Цзинван не спеша закрыл книгу и повернулся к сыну. Некогда, в далекие восемнадцать лет, он был отчаянным повесой, но ранняя женитьба и рождение наследника заставили его остепениться. Он принял семейное дело, положив начало своей блестящей и грозной политической карьере. Сейчас, в тридцать девять, этот мужчина полностью избавился от былой юношеской суеты. На его по-прежнему безупречно красивом лице запечатлелись суровая сдержанность и хладнокровие. Его глаза — такие же льдисто-голубые, как и у сына — светились мудростью прожитых лет. Он выглядел обманчиво спокойным, но за этим спокойствием таилась бездонная глубина великого океана.

Шелковистые пряди длинных черных волос скользнули по его плечам, отливая мягким лунным серебром. Тусклый свет выхватывал из полумрака его крепкую, статную фигуру. Даже законченный дурак, взглянув на этих двоих, сразу бы понял: перед ним отец и сын, связанные неразрывными узами крови.

Ситу Кун унаследовал от отца все лучшие черты; их поразительное сходство исключало любые

сомнения в близком родстве.

Ситу Цзинван в упор посмотрел на искалеченное плечо сына. Юноша невольно затаил дыхание: от этого ледяного взгляда по его телу пробежала дрожь.

— Мне звонила Юаньшань. Сказала, ты сошел на станции Красные Поля в компании какого-то незнакомца, — неторопливо произнес Владыка. Голос его звучал мягко и вкрадчиво. Человек посторонний мог бы принять этот тон за дружелюбный, но за ним скрывалась непреклонная, подавляющая сила, не терпящая возражений. — Почему ты отклонился от плана?

Ситу Кун заставил себя выдержать ответный взгляд. Владыка Сияющей Ночи никогда не повышал голоса и не устраивал сцен, но перед ним трепетали все без исключения. И сын не был исключением.

— Разве план состоял не в том, чтобы я сошел в Красных Полях, пока подполковник Лань и его люди проводят ликвидацию?

— Ты должен был сойти вместе с Юаньшань, а не с посторонним человеком, — Владыка взял изящную трость из черного дерева, идеально подходившую к его строгому темному костюму. В этот миг он походил на благородного господина ушедшей эпохи рыцарей. Медленным шагом он приблизился к сыну. — Твои мелкие секреты меня не интересуют, я не стану копаться в них. Однако... — он приподнял набалдашник трости и указал им на пустой рукав Ситу Куна. Он холодно посмотрел. — Это еще что такое?

Ситу Кун шумно втянул воздух:

— Произошла утечка данных. Мне пришлось ее уничтожить.

— Жалкая ложь!

Трость со свистом рассекла воздух, оставив на щеке Ситу Куна тонкую алую полосу. Юноша понял: отец взбешен. Обычно безупречно сдержанный, равнодушный ко всему миру Владыка никогда не опускался до открытого проявления чувств. Но сейчас он даже не пытался скрыть своего гнева.

Он был в ярости — сильнее, чем когда-либо прежде.

Ситу Кун предпочел промолчать.

— Я давал тебе разрешение на это? — ледяным тоном спросил Ситу Цзинван.

— Я сниму свою кандидатуру с турнира по единоборствам, — глухо ответил сын.

— А с выборов в следующем месяце ты тоже снимешься? — нажал отец. Голос его опустился еще на октаву ниже. — Ты хоть представляешь, сколько времени уходит на вживание и полную адаптацию биомеханического протеза?

Ситу Кун хранил молчание.

— Отвечай!

— Сто пятьдесят дней.

— Хм, — Владыка язвительно усмехнулся. В его жестах сквозило несвойственное ему нетерпение. — Сто пятьдесят дней. Почти пять месяцев. Надо же, Кун... Оказывается, и ты способен окончательно потерять голову?

Юноша покорно склонил голову:

— Прости меня, отец.

Ситу Цзинван слегка приподнял подбородок. Сын был почти на полголовы выше его, но под этим тяжелым, уничтожающим взглядом казался совсем крошечным. Владыка полностью подавлял его своей аурой.

— Ты сам сделал этот выбор, так что пеняй на себя. Но помни: если ты перейдешь черту дозволенного, последствия тебе хорошо известны.

— Я знаю, отец.

Враги Владыки Города Сияющей Ночи никогда не выживали. Но участь его собственного сына в случае предательства была бы куда страшнее.

Если древний род Лань олицетворял собой вековую доблесть, благородство и долг, то фамилия Ситу была синонимом абсолютного, безжалостного закона джунглей, где выживает лишь сильнейший.

Ситу Цзинван опустил трость и изящно развернулся. Длинные черные волосы рассыпались по его узким плечам.

Под этим обманчиво худощавым телосложением скрывалась сокрушительная мощь. Интеллигентный, утонченный облик маскировал расчетливую холодность и непомерные амбиции. Таков был единоличный правитель Города Сияющей Ночи.

— Ну так что? Ты остаешься здесь или возвращаешься со мной? — спросил Владыка, возвращаясь к своему креслу. — Подготовка к операции займет около недели. Завтра я улетаю по делам и вернусь только через три дня. Этим вопросом займется Хун Ли.

Хун Ли был доверенным лицом Владыки и его полной противоположностью по характеру — добродушный и открытый старик. Его род испокон веков служил клану Ситу. Дочь Хун Ли сейчас возглавляла личную группу оперативников Ситу Куна.

Попытавшись разгадать скрытый умысел отца, Ситу Кун решил:

— Я бы хотел остаться. В Красных Полях еще остались незаконченные дела.

— Справишься в таком состоянии? — приподнял бровь Ситу Цзинван.

— Я знаю, что делаю.

— Как знаешь, — Владыка опустил в кресло и небрежно раскрыл книгу на прерванной странице. — Сегодня ночью адмирал Малон умрет в городке Цицуй. Тебе там появляться не стоит.

— Он не поехал в Город Сияющей Ночи?! — изумился Ситу Кун.

— Думаешь, у него хватило бы духу сунуться на мою территорию? — равнодушно отозвался отец, перелистывая страницу. Было видно, что его мысли заняты чтением, а не этим разговором. — Он сошел с поезда на полпути и залег на дно. Но сегодня ему придется лично явиться на биеннале. Выставка закрывается, и упустить такой шанс он просто не может.

— Речь о чертежах Рори Лан'о? — Ситу Кун упомянул главную цель, за которой сейчас охотились все спецслужбы в окрестностях Красных Полей. — Если скрытые в этих чертежах формулы реальны, Малон сорвет колоссальный куш.

— Тебе ведь тоже не терпится взглянуть на них? — Владыка насквозь видел своего наследника. Ситу Кун не стал отрицать очевидного.

— На черном рынке эти бумаги стоят не меньше, чем личный указ президента.

— Увы, они тебе не достанутся, — без тени эмоций обрубил отец.

Ситу Кун нахмурился:

— Неужели они успеют первыми?..

— Ты выяснил, кто они такие?

Ситу Кун раздосадованно выдохнул:

— Чертовски хитрые бестии. Знаю только, что один из них крутит шашни с Шангуань Цицзе.

У того парня была отличная возможность взять Цицзе в плен, но он его отпустил. Пожалел? Или просто рука не поднялась?

— У меня есть отличная наживка. С ее помощью можно выманить их наружу, — Ситу Кун хищно оскалился, но отец так посмотрел на него, что тот осекся.

Владыка презрительно хмыкнул:

— И тебе не жалко будет скормить им этого червяка?

Ситу Кун осекся, не зная, что ответить.

«Отец видит меня насквозь. Рано или поздно правда все равно всплывет...»

Спрятав за бледной усмешкой бурю эмоций, юноша мысленно посмеялся над собственной слабостью. На некоторые вопросы ответов не существовало. С самого начала он сделал свой выбор — и теперь пойдет до конца, не оглядываясь назад.

<http://bllate.org/book/18305/1761985>